

D. M.

И Куба здесь совсем ни при чём, хотя...



D. M.

**И Куба здесь совсем
ни при чём, хотя...**

«Издательские решения»

М. Д.

И Куба здесь совсем ни при чём, хотя... / Д. М. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907048-7

Книга описывает путешествие трех друзей на Кубу, их приключения на Острове Свободы, их желания, взаимоотношения между собой и с жителями острова, их мнения на разные вопросы, которые интересны людям их возраста.

ISBN 978-5-44-907048-7

© М. Д.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Начало	6
Глава 1. О главном герое	6
Глава 2. Новогоднее утро	8
Глава 3. Первое января	9
Глава 4. «Эх, щас бы на Кубу...»	10
Глава 5. Серега	13
Глава 6. Шеф и Вероника	16
Глава 7. Хорошо начинается поездка!	18
Глава 8. Размышления о дружбе	20
Глава 9. Саванна	21
Глава 10. Культурный шок	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

И Куба здесь совсем ни при чём, хотя...

D. М.

*«Путешествуй только с теми, кого любишь»
Э. Хемингуэй*

Редактор Ирина Петровна Бельшева

© D. М., 2018

ISBN 978-5-4490-7048-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все действующие лица, события и прочее, за исключением географических названий, являются вымышленными. Автор просит не ассоциировать персонажей и повествование этой книги с реальными людьми. Все совпадения случайны.

От автора:

Эту книгу я себе сразу засчитал за две: за первую и за последнюю. Я начал писать от делать нечего, а закончил потому, что все-таки надо было дописать. Все, что я могу сказать по этому поводу это то, что писательство – это адский труд. Если кто-то думает заняться этим ремеслом, подумайте еще раз. Лишним не будет, точно.

Большое спасибо всем, кто, прочитав начало, время от времени спрашивал меня про всю книгу целиком. Может быть из-за Вас я и дописал ее до конца.

Надеюсь, что книжка будет кому-нибудь интересна. И спасибо всем людям, которые мне помогли.

D.M.

Часть первая. Начало

Глава 1. О главном герое

– Ты приедешь? – спросил голос в телефонной трубке.

– Не знаю. Как проснусь – звякну.

– А чего звонить-то? Проснешься и приезжай.

– Ладно... Но все равно позвоню. На всякий случай...

Попытка отказаться была довольно жалкой. Это понимали владельцы обоих телефонов. Но один добивался, чтобы на планируемом его женой сборище было с кем поговорить, второму очень не хотелось срываться из такой для него желанной постели, хотелось остаться в ней подольше. Во— первых, в постели он был не один, а с очень привлекательной девушкой, а во — вторых, удобного случая провести целый день с этой красавицей могло бы больше не представиться. Слишком уж долго он этого добивался. Девушка ему очень нравилась.

«Новогодняя ночь оставляет двери открытыми, остается лишь войти», – подумал второй.

– Договорились. Буду ждать.

Второй отключил телефон, бросил его на диван. И огляделся вокруг, как будто находился в квартире в первый раз. Квартиру он купил давно, но отделку оставлял на потом, тратился на материалы и работу по мере образования лишних денег.

Потребности холостяка около тридцати зависят от самого холостяка и от его доходов. Один живет от жалования до жалования, пытаясь собрать деньги на покупку, в общем-то, ненужной ему вещи. Другой живет от пуза сразу после получения зарплаты, а потом кладет зубы на полку. Наш холостяк был, по общим меркам, довольно обеспеченным человеком и расходовал деньги, исходя из собственного настроения и желаний. Желания были разнообразными, но простыми, поэтому деньги у хозяина дома все же водились. Про многих говорят – живет одним днем, к этому ближе всего подходило – жизнь на полтора дня.

Холостяк прошелся по гостиной. Комната была просторная, но в ней находился только диван. В мебельном магазине он казался необъятным, а в четырех стенах комнаты ужасался. На стене висел огромный телевизор, купленный по случаю с большой скидкой. В этой части квартиры мебели больше не было. Была еще спальня с широченной кроватью, на которой был остановлен выбор только с одной целью – производить неизгладимое впечатление на женщин, попавших в жилище холостяка. С одной стороны, кровать должна была подчеркнуть недюжинные способности холостяка в постельно-половой сфере, с другой – сразу же дать понять, что такая кровать предназначена не для семейной идиллии и затащить под венец ее владельца попросту невозможно.

Был еще кабинет, где стоял компьютерный стол с ноутбуком и колонками и средних размеров шкаф с дисками, книгами и прочим хламом.

Владельцем квартиры являлся мужчина 30 лет от роду, ни разу не женатый, что, впрочем, ему никак не мешало. Мало того, по мере взросления женщин становилось все больше, их разнообразие порой удивляло. Раньше, когда ему только исполнилось двадцать, объектом его интересов являлись однокурсницы и девушки примерно его возраста, которые встречались ему в общественном транспорте, на улице. Везде. А к тридцати годам, когда все его друзья переженались и на их свадьбах, где он неизменно становился свидетелем. Поскольку он не был связан хоть сколько-нибудь длительными отношениями, он получил еще один способ знакомства с девушками, благодатный источник в лицах жен своих друзей. Не то, чтобы он наставлял рога своим друзьям! Нет-нет, ни в коем случае! Жены друзей были для него священны,

а дружба превыше всего. Но жены друзей, видя на горизонте некольцованного, обеспеченного, а главное, потрясающе привлекательного представителя мужского пола, всеми силами пытались исправить его холостое положение, подсовывая под всякими надуманными причинами для знакомства подруг и сестер. Он благосклонно принимал эти неуклюжие попытки его женить, и за непродолжительное время «познакомился» со всем окружением жен своих друзей. При этом он умудрялся даже после окончания «знакомств» сохранить дружеские отношения со всеми потенциальными невестами, что в случае периодов «безрыбья» было очень кстати. Этот источник поил его свежей водой довольно долго, поскольку друзья женились последовательно, и к моменту, когда ручеек от очередной жены иссякал, появлялась новая жена очередного друга, и вместе с ней еще один ручеек. Хотя надо отдать ему должное, он никогда не оставлял свободный поиск. В общем, его записная книжка всегда была полна телефонами тех, кто бы мог помочь скоротать короткую летнюю или длинную зимнюю ночь.

Он умел ладить с женщинами, и вообще умел казаться милым в обществе. У него был хорошо подвешен язык, он мог непринужденно вести беседу практически на любую тему, благо, темы были одни и те же. Бывало, очередная потенциальная невеста на очередной вечеринке, зная, что он незадолго до этой самой вечеринки переспал с ее подругой, явно питала к нему плохо скрываемую вражду, а он забавлялся тем, что доводил девушку чуть ли не до слез придирками и остротами, а потом резко менял отношение и утешал ее. В итоге все заканчивалось одинаково – постелью. Но, в основном, женщина, встретив его, уже через десять минут испытывала к нему расположение, а к концу вечера что-то близкое к привязанности, если не влюбленности. Постоянное общение с противоположным полом тренировало его навыки, и к тридцати годам он достиг пика мастерства. Бывали, конечно, и осечки. Но он относился к этому философски, не делая из них трагедий.

Он никогда не дарил цветы и подарки своим подругам, и это, тем не менее, каким-то образом не являлось недостатком в глазах дам. Он был не скуп, даже щедр, но считал, что баловать женщин нельзя. При этом женщины воспринимали его поведение как проявление некой брутальности, и это им очень нравилось.

Он прошелся по гостиной, глядя под ноги. Начинался неприятный период – расставание с подружкой, которая сейчас нежно посапывала в его кровати. Процедура расставания была отработана до мельчайших деталей и не доставляла ему беспокойства, но все же была неприятной. Он поморщился и направился в спальню.

В спальне был полумрак. Шторы он задернул еще накануне, зная, что новогоднее утро может разбудить его раньше, чем надо. «Ну, что ж!», – подумал он. – Правило первое: нет ничего хуже невыспавшейся женщины». И нырнул под одеяло. Потому что сразу после этого, перед тем, как заснуть, он решил, что хуже невыспавшейся женщины может быть только невыспавшийся мужчина.

Глава 2. Новогоднее утро

Он проснулся из-за маленького лучика солнца, который каким— то невероятным образом прорвался между плотно сдвинутых штор. Не открывая глаза, он аккуратно, стараясь ничего не задеть, глубоко вздохнув, потянулся всем телом со всей мощностью, на которую был способен. Где— то хрустнуло и стало хорошо. Он оттянул краешек одеяла вверх и открыл глаза. Вид его порадовал. Девушка лежала на боку, спиной к нему. Кожа казалась бархатистой, а от изгибов линий ее тела невозможно было оторвать глаз. «Красиво! – подумал он и придвинулся к ней. – Нет ничего хуже женщины, которая просыпается сама по себе!» И приложил ладонь к ее животу.

Через полчаса, когда они отдышались, он первым пошел в ванную принять душ. Вода взбодрила его окончательно и он, надев халат, направился на кухню, чтобы приготовить завтрак. Жаря яичницу, он услышал, как она зашла в ванную и включила воду. Он знал, что через пару минут он обязательно откроет дверь ванной, чтобы увидеть, как она смывает с себя остатки пены. Эти сцены, когда девушки принимали утренний душ в его ванной, ему нравились, и он никогда не упускал возможности посмотреть, приводя их в смущение. После этого он входил и нежно целовал их в мокрые губы, растворяя этим остатки смущения и стыда.

Позавтракав холостяцким завтраком: яичница с ветчиной, апельсиновый сок и кофе, он сообщил, что ему надо заехать к родителям – поздравить с Новым годом! Он подумал, что это будет воспринято девушкой нормально и будет прекрасным поводом от нее избавиться. Во-первых, после первой ночи никто из мужчин не знакомит девушку с родителями, во-вторых, поход к родителям – всегда дело длинное, а, соответственно, ждать его в машине пару часов или дома до вечера она точно не будет. Ну, и в-третьих, он едет к родителям в первый день нового года, что характеризует его как человека, который уважает семейные ценности. Классный парень, да и только!

Объяснение сработало и уже через час, не заезжая к родителям, он ехал за город, на дачу звонившего утром друга. Конечно, он забыл позвонить, как обещал.

Глава 3. Первое января

Даже таксисты не выезжают первого января на работу. У них, у таксистов, свой таксистский Новый год. Они славно потрудились в новогоднюю ночь, развозя пьяную публику, где-то завидуя, где-то соучаствуя, где-то переживая. Но у всех таксистов в новогоднюю ночь одно и то же настроение – предпразднично-раздражительное. «Все люди, как люди, только у меня работа – говно. Я должен работать в эту ночь, когда люди уже приняли по стакану, поют песни, танцуют, веселятся. А у меня из всех развлечений только диск в магнитоле с «Но-о-о-овы-й год к нам мчится...». Да и то напополам с клиентами. Ну, ничего, сегодня покатаюсь, срублю бабла, и завтра оторвусь...». До обеда он спит, не потревоженный женой и детьми. Конечно, кормилец спит, всю ночь работал, теперь на все праздники денег хватит. После этого встает и с раздражением ждет вечера. Жена уже готова, стол накрыт, поллитровочка со слезой на столе. Телевизор надоел еще вчера этими новогодними помоями на всех каналах, сделанными, как под копирку, но все равно работает, так, для фона. И понеслось...

Он ехал по заснеженной дороге. Как обычно, все коммунальные, дорожные и прочие службы, в отличие от таксистов, начали праздновать Новый год, начиная с католического Рождества. Поэтому дорога напоминала еще в детстве виденное автородео на льду, где каскадеры ездили с заносами, вертелись на своих машинах и мотоциклах. На выезде из города его остановили гаишники, долго принимались. После предъявления заламинированной бумажки, гласящей, что предъявитель сего документа является членом Общественного Совета ГИБДД – подарка одного из друзей, гаишник вздохнул, вернул документы и пожелал счастливого пути. Дорога была покрыта слоем кое-где примятого снега, который шел в новогоднюю ночь.

Кстати, новогодняя ночь была удивительной. Большими хлопьями снег вальяжно спускался и обосновывался на плечах, шапках, носах гуляющей публики. Был стопроцентный штиль, и в свете уличных фонарей снег сопровождал людей. Было действительно красиво и необыкновенно романтично. Он тогда еще подумал, что снег – молодец, и сделал за него половину работы по соблазнению девушки. Вера... Он снова вспомнил изгибы ее тела под одеялом и улыбнулся. Ночь прошла отлично...

Они ушли из ресторана, где встречали Новый год с его друзьями, как только возникла подходящая пауза, и народ начал уставать. Пил он немного, в его планах не было алкоголя, в его планах была девушка. Друзья глазами и еле заметными кивками одобрили его выбор. Их жены как женщины приличные легко приняли девушку в свой новогодний круг общения из-за хорошего отношения к нему. Традиционных вопросов, типа, где познакомились, как долго встречаетесь и прочее, не было, новогодняя ночь к этим разговорам не располагает. Когда они вышли, снег уже шел. Она подставила ладони, пытаясь его поймать. Несколько снежинок опустились на ее варежки, она сдула их и улыбнулась. Эта улыбка была такой искренней! Несколько секунд он любовался ею, и ощущение того, что эта красавица скоро будет принадлежать ему, заставило сердце биться чаще.

Они не взяли такси, которых около ресторана было множество. Он жил недалеко, и очень хотелось прогуляться по свежему воздуху после прокуренного ресторана. По дороге они разговаривали тихо и медленно, фразы произносились редко и были очень короткими. Настроение у обоих было романтическим.

Он снова улыбнулся, достал и закурил сигарету, приоткрыв окно водительской двери. Он сворачивал с основной дороги. Далее был сложный участок, он проходил по лесу и был таким узким, что летом там с трудом разъезжались две машины. Зимой еще часть дороги съедали сугробы, так что встречный автомобиль становился почти нерешаемой проблемой. Он надеялся, что первого января мало найдется дураков, покидающих свой дом, как он, а следы на заснеженной лесной дороге – это следы тех, кто едет, как и он, к своему другу.

Глава 4. «Эх, щас бы на Кубу...»

– Сань, ну где тебя черти носят? Времени сколько? Мы уже накатили под шашлычок... – парни были слегка навеселе.

В комнате было полно народу. Все более или менее знакомы. Из мужского сообщества присутствовали только двое: звонивший с утра и его друг, тоже, как и я, неженатый, но младше меня года на три. Но о нем позже. Зато девушек было человек шесть. У меня свело скулы, но виду я не подал. После новогодней нимфы не хотелось никого и ничего, что могло бы испортить послевкусие.

Это была традиция. Каждый год они меня вызванивали утром первого января и приглашали приехать в их загородный дом. Не так, чтобы их. Дом построили родители Насти, но бывали в нем редко. Настя и ее муж Леха, которого я знал с песочницы во дворе, любили проводить там время, когда приезжали из столицы, где работали и жили постоянно. Там всегда собирались девчонки – подруги Насти, частью замужние, но в большинстве – нет. Многих из них я знал только в лицо, как и они меня, но некоторые из них были близко знакомы и с другими особенностями моей анатомии. Приезжали Леха и Настя довольно редко, поэтому каждый раз, как они появлялись в городе, мы встречались с Лехой. Леха был парень веселый, любящий всякого рода компании, не дурак выпить. Сдерживало его только одно – Настя. Любили они друг друга беззаветно. Понимали друг друга с полуслова. Даже не так – с полувзгляда. Люди эти нашли друг друга случайно и, однажды встретившись, уже не расставались. Несмотря на недостатки каждого из них, они дополняли друг друга так гармонично, что становились единым целым. Идеальная пара.

Я отдал бутылку односолодового виски, которую тайком взял с собой из дома. Почему тайком? Ну как можно объяснить наличие в твоей руке бутылки крепкого алкоголя девушке, которой сказал, что едешь к родителям? «Ты знаешь, моя мама очень любит именно первого января выпить отличного виски с яблочным соком, а?» или «Папа выпил все, что было дома, а теперь у него похмелье, и ему необходимо виски!» Бред! Одной лжи про родителей мне показалось много в это утро, поэтому я спрятал бутылку в пакет с грязным бельем, чтобы не давать никаких объяснений, а, соответственно, не лгать еще раз.

Я где-то слышал фразу, что все лгут. Согласен с ней полностью. Все лгут! И лгут часто. Но одни делают это некрасиво, путаясь в деталях, не помня своей лжи, другие поступают умнее. Они говорят правду, ну или почти правду. Только немного не договаривают. Опускают как раз те моменты, ситуации, эпизоды, из-за которых первые придумывают свою ложь целиком. При этом не надо помнить свою ложь, как именно ты соврал. Они знают то, что было в действительности, но, когда в очередной раз доходят в своем рассказе до определенного места, опять не договаривают. Срабатывает рефлекс. Но ложь есть ложь, и этим все сказано.

Итак, я был в компании, которую видел раз в год. Девочки постарались, принесли мне посуду и столовые приборы. Есть холодный шашлык мне не хотелось, поэтому я решил начать с салатов и виски. Знаете, если честно, традиционное русское домашнее застолье с его атрибутами в виде оливье, мяса по-французски, солений и прочего, ни к чему, кроме водки, не подходит. Ну не подходит, и все тут! Ну, нельзя есть оливье под виски, не сочетаются данные продукты в принципе. Но также уверен, что русские люди в большинстве своем сказали бы мне – «Не выпендривайся. Ешь и пей, что дают! Гурман, бл..., нашелся!». И были бы правы! Набор блюд на русских столах остался нам по наследству от столов советских, которые наши мамы и бабушки старались, как могли, разнообразить при очень скудном ассортименте продуктов. И сейчас генетически заложенное в женщинах понимание, что готовить, и также генетически заложенное в мужчинах понимание, что есть, не способно изменить ничего на нашем столе.

Другое дело – напитки. Совсем другое дело! Когда открылись границы, народ начал позволять себе невиданную ранее роскошь – импортные напитки! Раньше ведь как было? Если водка, то «Столичная» или «Сибирская», но там 50 градусов – поаккуратней! Если коньяк, то армянский, потому как молдавский и азербайджанский – суррогатное дерьмо! Виски вообще не было. Вот самогон бабушкин на боярышнике настоящий был, а виски не было. Вина было много, от сухого до крепленного, и виноградное, и плодово-выгодное. Крым, Молдавия, Грузия.. Мда...!!! И тут сразу раззззз!!!! И все есть, но дорого, а потому престижно. Неважно, что у французского коньяка и салата «оливье» только названия одинаковые, французские. Мы его под «оливье» и вмажем! И лимончиком закусим! Нельзя ведь лимоном, послевкусие теряется? А у нас так еще царь-батюшка закусывал! А закуска вообще градус крадет! В этом – наша сила! Мы любые перебои с продовольствием и алкоголем переживем! Не будет виски, мы самогона бабушкиного на боярышнике настоящего выпьем. Да еще и скажем, что получше ихнего виски будет. Русский народ – экспериментатор поневоле.

– Рюмку свою поставь поближе! – сказал Серега, Лехин друг. – Я сегодня на разливе.

Я передвинул граненую рюмку к Серегиной тарелке. Она тут же наполнилась. Я поставил ее к своей тарелке.

– Ну, давай, Саня, за Новый Год! – провозгласил торжественно Леха. Насти в комнате не было.

– Серег, давай еще по одной, и пойдем покурим. А Санек пусть пока пожует чего—нибудь!

Мы снова выпили. «Оливье» был так себе, да еще и двух видов. Наверное, кто— то из девочек притащил со своего новогоднего стола. Закинув в себя немного салатов и колбасы, чтобы не запянуть, я вышел из-за стола. На летней веранде, прилепленной к дому, парни курили сигары.

– Ух, ну не фигу себе! Откуда такое барство?

– Приятель приехал с Кубы. Вот, презент привез, – сказал Серега. – Я в инете прочитал, что их можно хранить только в специальном ящике, иначе в труху превратятся! Как думаешь, за две недели с ними ничего не будет?

– Без понятия, – я пожал плечами и закурил сигарету.

– Ты что?! Возьми себе одну. Там, в коридоре, пачка такая желтая лежит.

– Потом, – я ощущал во рту вкус вчерашнего оливье и копченой колбасы.

Леха был во власти сигары. Он стоял, как английский лорд в своей библиотеке после семейного обеда, и смаковал ее. Ему казалось, что сигара в его руке подняла его социальный статус как минимум до уровня члена английской королевской семьи. Со стороны это казалось комичным, учитывая штаны от спортивного костюма, стоптанные тапочки и накинутый на футболку пуховик.

– Бл..., щас бы на Кубу! – мечтательно произнес Леха. Фраза явно не гармонировала с джентельменской позой.

– А что?! Поехали, – это был уже Серега. Он вбросил фразу и просветлел. – Там тепло, море— океан, сигары, девочки... Класс! Поедешь? – спросил он меня.

– Да можно, конечно! Только у меня вечная запара на работе, шеф не отпустит.

– Этого, – Серега кивнул в сторону Лехи, – звать бесполезно. Он без Насти никуда. А мы с тобой махнем, только не сейчас, а попозже.

– Узнавай, что по деньгам и звони. Телефон знаешь.

Обычно этим разговоры и заканчиваются. Поговорили, обсудили, договорились и... никуда не поехали. Но вроде как съездили. Это обычно. И привычно.

– Ладно, пошли в дом, а то уже замерз.

Девочки веселились вовсю. Они быстро поняли, что от парней не будет толка, поэтому развлекали себя сами.

Мы допили бутылку и, помня, что мне еще возвращаться в город, я попросил хозяина выделить мне койку, чтобы проспать. Проснулся я уже к полуночи, и, попрощавшись с хозяевами, поехал домой. По дороге я вспоминал новогоднюю ночь, ее тепло под одеялом, ощущение от прикосновения своей руки к ее коже. Настроение было отличное.

Глава 5. Серега

– Миша, ты что так долго?! Где эта табличка хренова! Еще час назад должна быть готова!
– Александр Николаевич, я знаю! Но для того, чтобы ее сделать, нужно перелопатить всю базу отгрузки завода за несколько лет!

– Ладно, сколько времени тебе еще надо?

– Полчаса...

– Жду.

Александром Николаевичем я стал недавно. Около полугода назад официально, месяца три как фактически. Вообще, сложная штука жизнь. Например, работаешь ты с людьми, у тебя устоявшиеся отношения, климат в коллективе отличный, все пашут, как лошади. А потом вдруг начальство делает тебя главным. Причем, над теми людьми, с которыми ты работал, ходил обедать, нелицеприятно, но за глаза, обсуждал то самое начальство, которое тебя теперь тоже начальством сделало. Ситуация – хуже не придумаешь. С одной стороны, приятно, что тебя выделили, зарплаты добавили. С другой стороны, ты начинаешь думать, как себя вести, что говорить, что не говорить. Чувствуешь постоянный внутренний дискомфорт. Уже и поговорить на отвлеченные темы не с кем, и ты становишься одинок. Плюс тебе в обязанность вменяется еще и заставлять людей работать. Постепенно ты начинаешь отдаляться от людей, постепенно переходишь из состояния «своего парня» в состояние «сволочи-начальника». У меня этот этап продлился три месяца. Не знаю, длинный или короткий этот срок, но он был четко отмечен границей, когда мой бывший коллега назвал меня «Александром Николаевичем». Я готов был разорвать его на куски из-за сарказма, который из него при этом лился. Но я только кивнул в ответ. Теперь Миша делает мне табличку, а я его подгоняю.

Заверещал пульт. Завод – это вам не open space в каком-нибудь московском офисе, где сидят клерки в белых рубашках. Завод – это машина, где есть четкая иерархия, подчиненность и дисциплина. Здесь ничего не происходит само собой. Здесь все контролируется. Система выстроена и работает еще с военных времен, и люди, как винтики, делают каждый свое дело и, как ни странно это звучит, гордятся тем, что являются частью единого целого.

Я взглянул на табло пульта. Звонили с проходной заводоуправления. Редкость. Наверное, ошиблись. Я понял трубку.

– Саня, это Серега! – бодро заявили в трубку. – Тут хренопупел в форме меня не пускает к тебе. Звякни на пост, чтоб эти потроха меня пропустили.

Я опустил трубку и нажал на заранее запрограммированную кнопку пульта.

– Слушаю, Александр Николаевич.

– Ко мне пришел Нижегородов Сергей. Пропустите, пожалуйста.

– Хорошо.

И я нажал на «отбой».

У меня было несколько минут на размышления. Серега ко мне на работу никогда не заходил, хотя тоже работал на заводе, в одном из основных цехов. Цех, кстати, был с вредным производством, и люди уходили оттуда пачками и такими же пачками приходили. Серега работал там по специальности уже лет пять, и это ему нравилось.

Вообще, про Серегу надо рассказать отдельно. Его было много. Всегда и везде. Знакомы мы были по школе, был он на три года младше, но знала его вся школа. Обладая выдающимися способностями, учился он на «отлично» по всем предметам, но поведение было из ряда вон. Все ЧП в школе обязательно были связаны с его именем. Директор его опасался, учителя побаивались потому, что Серега, начитавшись какой-нибудь научной лабуды, начинал прямо на уроках экзаменовывать учителей. Зрелище было – я вам доложу. Молоденькую учительницу, отличницу, сразу после пединститута, которая замещала математичку, он довел до обморока,

предложив ей посоревноваться в доказательстве теоремы Пифагора – кто больше способов доказательства предложит. Кроме того, летом между шестым и седьмым классом он прибавил в росте сантиметров двадцать и в весе килограммов, наверное, столько же, и стал невероятных размеров.

В седьмом классе он увлекся химией и начал читать все книжки, которые ему попадались на глаза. Особенно его интересовала тема изготовления взрывчатых веществ в домашних условиях. Тогда о наркотиках мало что было известно. Думаю, если бы он родился лет на 15 позже, точно бы что-нибудь синтезировал. Так вот, откопав очередную книжку издания затертых пятидесятых годов, он вычитал о сверхмощной взрывчатке, которую можно было сделать из реактивов набора «Юный химик». Серега, недолго думая, сделал несколько миллиграммов данного вещества. Но книга была написана в тот период, когда опыты по массовому использованию этой взрывчатки не были закончены. Наверное, кому— то из научных деятелей очень хотелось славы и денег. Данное вещество в дальнейшем не нашло промышленного или военного применения из-за... отсутствия стабильного состояния. Знаете, что это значит? Это значит, что оно, вещество это хреново, взрывалась без каких-либо воздействий со стороны. Лежит, лежит себе и бабахнет. В книжке этого не было, и Серега это не знал, но успел рассказать про взрывчатку еще одному соседскому пареньку. В общем, после того, как по книжке, вещество выпало в осадок, раствор был процежен через промокашку, высушен и собран, решили Серега с пареньком провести эксперимент на улице. Собрали в спичечный коробок драгоценные миллиграммы, а промокашку паренек засунул в задний карман новехоньких джинсов. Вышли они во двор, зашли за гаражи, расположились. Достали из коробка маленький не больше спичечной головки кусочек вещества и положили на кирпич. Серега попросил паренька дать ему спичек. Тот сначала хлопнул по передним карманам джинсов, и, не найдя в передних, хлопнул по задним. Занавес. Далее была такая последовательность: хлопок, вопли, «скорая», обработка обуглившегося полужопия, разборки между родителями, ременная терапия для Сереги, компенсация морального вреда покупкой Серегиными родителями новых джинсов, между прочим, за 250 рублей, которые паренек не мог надеть еще полгода, а потом из них вырос, и кличка «Жженный» у паренька до конца его жизни. Серега на все это отреагировал так: «Жженный после взрыва метра полтора, выгнувшись, пролетел вперед, как будто ему в жопу реактивный двигатель всунули. Считаю, эксперимент удался!» И даже после этого он долго еще делал опыты с веществом, пока не разворотил свою комнату. После этого Серегин отец сделал так, что жопы и у Сереги, и у Жженого стали одинаковыми.

Природная склонность к точным наукам и впоследствии к философии сочеталась в нем с фантастической невоздержанностью на язык. Он окончил институт с красным дипломом и даже защитил кандидатскую диссертацию, но другой, обладающий его способностями, спокойный по жизни человек сделал бы это куда проще.

Сейчас он работал мастером в самом грязном цехе, для которого его живописная натура как нельзя кстати подходила. Персонал там в советское время был сплошь из ээков, «химиков» или желающих поскорей получить квартиру, благо, в советское время через три года работы там давали жилье. Менталитет, рожденный в те времена, остался, персонал поменялся. Теперь были не ээки, а пацаны после ПТУ с рабочих окраин, дети тех самых ээков. И Серега с ними общался на одном языке. Платили ему в этом цехе из-за вредности и постоянного недоштата много.

Через пять минут в кабинет ворвался, как вихрь, Серега.

– Не, ну ты прикинь?! Я ему говорю, что к тебе, а он – у вас нет права доступа. Вот вша! Козел фуфлыжный! Отожрал, суслик беременный, потроха, стоит, падла, целыми днями, ни хрена не делает! – я опустил некоторые выражения, дабы сократить повествование, но общую канву оставил.

Я посмотрел на Серегин живот. У Сереги все было большое. Он заметил мой взгляд.

– Ладно, ладно!.. Не смотри, там все в порядке, – и без паузы. – Я тут к Вовчику заезжал, внес залог за наши путевки на Кубу! Ты Вовчика знаешь?

Пауза. Челюсть вниз. Попытка собрать мысли. Полный провал. Снова попытка. Худо— бедно. Челюсть вверх.

– Извини..... Не понял. Ты что сделал? – спросил я тихо.

– Га— ва— рю! Купил путевки на Кубу! У Вовчика! – и потом еще, – Ты Вовчика знаешь?

Знаю ли я Вовчика? Нет, не этот вопрос меня больше волновал в ту секунду. Меня волновал другой вопрос – КАКОГО ХРЕНА?

Кстати, Вовчика я знал, и поэтому понял, что Серега не шутит. Вовчик был владельцем первого открытого у нас в городе туристического агентства, поэтому его знала каждая собака в городе, знала и пользовалась его услугами. Первое апреля было далеко. Значит, это не розыгрыш. Сейчас три часа дня, и Серега должен быть в цехе. Если начальник его отпустил, то только за чем— то важным. Турпутевка на Кубу была важным делом. Бл..., кажется, я попал! Шеф никогда не отпустит, хоть я и не был в отпуске уже два года!

– Ты купил нам путевки на Кубу? – я повторил, еще раз делая ударение на каждом слове. Я искренне надеялся, что ослышался.

– Ага! – Серега просиял. – Тебя же не выдернешь! Ты же у нас большой начальник! Вот я и купил, поставил, так сказать, перед фактом. Теперь решай вопросы с начальством. С тебя загранпаспорт и бабки!

Серега крайне быстро переходил со своего заводского языка на обычный.

– Ну, ты и сука!

Серега заулыбался.

– Какие даты и во сколько мне это обойдется?

Серега рассказал, что едем мы на две недели с 25 марта. Рассказал и про стоимость. Я слегка поперхнулся. Деньги на эту поездку у меня были, но тратить столько на отдых я не планировал.

Пожав мне руку, он вылетел из кабинета так же, как и влетел, оставив меня в раздумье. Было не очень хорошо, что я уеду в отпуск на две недели после всего шести месяцев в должности. На заводе так принято не было. С другой стороны, все работало, как часы, а в отпуске я не был больше двух лет.

Я позвонил Вовчику, в глубине души надеясь, что это все еще шутка. Это была не шутка. Я посидел в раздумьях еще несколько минут, взял лист бумаги, ручку и написал заявление. Сиротливые такие строчки на большом листе бумаги. У меня было нехорошее предчувствие.

– Ладно! Хрен с ним! – я встал, взял заявление со стола и пошел к шефу.

Глава 6. Шеф и Вероника

Мой шеф, Владимир Федорович, был человеком старой гвардии. Приехав еще молодым специалистом на завод по распределению, он нашел здесь себя, сделал карьеру, которая развивалась не очень бурно в советские времена, но взлетела, когда завод акционировали, и к власти пришли люди из Москвы. Может быть, оттого, что прежнее руководство дирекции не поладило с акционером, а может, по каким-либо другим причинам. Он был не очень умен, но смекалист, и, как это ни странно, принимал новые веяния и законы существования в новых условиях рыночной экономики с потрясающей скоростью. Недостаток ума компенсировался огромным трудолюбием и стремлением достичь результата любой ценой. Он не обладал стратегическим мышлением, поэтому, не боясь, что его подсилят, приближал к себе людей с соответствующими навыками и мышлением и пользовался их идеями. Слегка высунувшихся подчиненных он аккуратно подравнивал, то приближая к себе, то отдаляя. Талант, одним словом.

Вероника, его секретарша, была так же предана своему шефу, как пограничный пес Альпийской защите рубежей нашей Родины. Она была постарше меня, делала свою работу хорошо. С ней у нас сложились хорошие рабочие отношения, и я, на правах потенциальной правой руки шефа и еще молодого и холостого, позволял себе делать комплименты на грани дозволенного.

– Вероника! – я повышал голос, когда входил в приемную. – Шикарный костюм! Он очень выгодно подчеркивает достоинства твоей фигуры.

На самом деле, грудь пятого размера просто вываливалась из выреза. А юбка была предельно коротка для этих толстеньких маленьких ног. Этот костюм был мал ей, как минимум, на размер и был впарен ушлым торговцем на вещевом рынке.

– Что за фирма? Из Франции?

– Нет, это Tom Klaim! – она краснела потому, что врала, и заодно от смущения от комплимента.

– Потрясающе! Если так дальше пойдет, я могу не устоять!

Она заливалась краской! Бабе лет под сорок, а она ведет себя, как выпускница Смольного института.

– Шеф у себя? – я перевел тему, когда обозначилась пауза.

– У себя.

– Как настроение?

– Хочу в отпуск!

Вот дура! Я же спрашивал про настроение шефа, а она еще от моих слов не отошла. Иногда она меня просто поражает. С шефом она работает уже лет десять, и я предполагаю, что он взял ее на работу исключительно для того, чтобы каждый день видеть перед собой антипод собственной жены. Жена у шефа была высокой, сухощавой, крайне властной, по слухам, женщиной. Ну, а груди там не было вообще. Поэтому, наблюдая секретаршу в теле, да еще с ТАКОЙ грудью, шеф, по моей логике, должен быть испытывать эмоциональное состояние, близкое к оргазму. Ну, а наклоны секретарши для того, чтобы указать пальчиком, где шефу надо поставить закорючку, должны были приводить его в иступленный экстаз. Я замечал, что он, будучи дальновзорким, как все люди в возрасте, никогда не надевал очки и даже снимал их, когда в кабинет входила Вероника с папкой «На подпись». После этого он неизменно оставлял документ у себя, чтобы изучить его в более спокойной обстановке. Поэтому уже никто из персонала дирекции не удивлялся, когда письмо, отправленное на подпись, возвращалось с перечеркнутой подписью и правками по тексту.

– Забавно, я тоже! – и через паузу. – А у шефа настроение как?

– Да так. Ничего вроде.

Я посмотрел на папку «На подпись». Она была пуста. Вероника отличалась тем, что приносила почту шефу сразу, как только она попадала в приемную и прошла регистрацию. Он настаивал на этом, мотивируя, что вечером никого в заводоуправлении нет, и переговорить не с кем. «Переговорить!» Как он любит это слово. Это значило: иметь причину позвонить коллеге и пожаловаться на занятость, ответственно отнестись к корреспонденции и показать свое неравнодушие, выяснить у подписанта скрытый смысл письма, посплетничать или обменяться новостями, послать на хрен с формулировкой «Тебе что? Делать нехрена?» и многое, многое другое.

– Ладно, зайду...

Я открыл дверь. Глаза в очках на переносице поднялись на меня. Потом опять – в бумаги. Жест рукой: «Проходи, мол. Что у тебя?». От двери до стола шагов пятнадцать, не меньше. Иду молча, хотя обычно начинаю говорить от двери, чтобы к моменту падения в стул около приставного столика меня уже слушали.

Я подошел и протянул заявление.

– Очень хочется! – я вложил все свои эмоции во фразу. Актер из меня еще тот. Надо тренироваться.

Шеф берет бумагу, читает быстро и так же быстро подписывает. Не верю своим глазам. И это все? А сколько психологических этюдов было разыграно в моей голове? Беру протянутый листок и слышу:

– Куда собираешься?

– На Кубу.

Шеф ослабился.

– Триппер не привези!

Триппер? Он сказал «триппер»? Не верю своим ушам! Он вообще не позволяет использовать себе такие выражения в разговоре с подчиненными. И то, что он напутствовал меня такой фразой, значит только одно: я теперь – правая рука шефа! Теперь надо держать нос по ветру и пахать, как папа Карло, для поддержания столь высокого звания. Ну и презент с Кубы привезти стоящий! Мда, диалектика! С одной стороны, «триппер», с другой – мое хорошее настроение!

Остаток рабочего дня я просидел в интернете, изучая советы бывалых о Кубе.

Глава 7. Хорошо начинается поездка!

Став замом шефа, я получил одну из самых серьезных привилегий на заводе. Персональный автомобиль с водителем. Это было роскошью, тем более, что машина была иномаркой, бывшей машиной шефа. Водителя он забрал с собой, а вот машина досталась мне по наследству. Я был не в претензии, машина была почти новая. Водитель тоже был новый. «Не надо стремиться к личному автомобилю, надо стремиться к личному водителю», – фраза шефа была слишком философской для него, наверняка где-то услышал или вычитал.

Я рассматривал последний раз вещи, которые планировал взять с собой. Так, белье взял, шорты взял, футболки взял, джинсы взял, тапки и кроссовки взял, свитер, на всякий случай, взял, носки взял, бейсболку взял, фотоаппарат, видеокамеру взял, мыльно— моющие взял, подзарядки для техники и телефона есть. Вроде все. Блин, целый чемодан! Как на Северный полюс.

Замечено, на какой бы срок ты не ехал, на три дня или на месяц, все равно получается целый чемодан. Мистика!

Самолет был в девять утра следующего дня, но мы решили выехать накануне вечером. Это была Серегина идея, и на вопрос «На фига?» он подмигнул и сказал: «Хочу сравнить».

Начиналась преддорожная лихорадка, которая, по обыкновению, заканчивается сразу после выезда из города. Леня, мой водитель, должен был приехать в девять, забрать меня, потом Серегу и в путь. Впереди Шереметьево и долгий полет в неизвестность. Я прогонял в уме список того, что должен был взять, раз за разом, но с определенностью знал, что что-то упустил. В девять я выглянул во двор, машина уже стояла внизу. Посидев на дорожку, я схватил чемодан и спустился вниз чуть ли не вприпрыжку. До меня медленно доходило, что я свободен. С этой минуты я свободен на целых две недели. Меня не смогут отозвать из отпуска. Я очень далеко. Счастье накатывало на меня медленно.

После того, как мы выбрали Серегу около его дома, он, усевшись рядом со мной на заднее сиденье, достал из пакета початую литровую бутылку Chivas Regal, пластиковые стаканчики и две пол-литровые бутылки Cоsa Соly.

– Надо на дорожку! Ну, давай!

Мы чокнулись.

– Леня... – позвал Серега водителя. – Леня, будешь?

Леня хмыкнул. Мы выпили.

– Так! Теперь вези нас в «Пафос»! – провозгласил Серега.

– На фига? – спросил я и подумал, что с этим вопросом я становлюсь банальным.

– Надо! – в лаконичности ответа и в его убедительности Сереге нельзя было отказать.

«Пафос» был самым пафосным магазином города. Закупаться там было проявлением высокого социального статуса. Простой люд туда не ходил, а если ходил, то больше на экскурсии. Но в «Пафосе» было все и всегда. Не нашел что-то в обычном магазине, езжай в «Пафос», там купишь. Работал «Пафос» круглосуточно.

Серега вышел из машины красиво! Его размеры и так не давали повода усомниться в его величии, вернее – величине. Но здесь он превзошел сам себя. Не было раскатанной красной дорожки, не было слуг в ливреях, были только сугробы и несколько человек у входа. Но они обратили внимание на Серегу и, если бы это было в стародавние времена, бухнули бы на колени с криками: «Барин приехал!». Я наслаждался, но самое интересное было дальше.

Взяв коляску, Серега направился к рядам со спиртным и на мой немой вопрос ответил: «В дороге сгодится!» Далее были закуски-нарезки, совершенно не нужные. Ехать-то до Москвы было часов пять. «Я как выпью – жрать хочу!» С продавцом-консультантом, помогавшей ему

в поисках снеди, он говорил почти с французским прононсом, напоследок поцеловал руку и нараспев произнес: «Muy linda, bonita!»

Я остолбенел. У Сереги с языками было, мягко говоря, не очень. А обходительность его сразила меня наповал. Это был не Серега. Единственное, что он мог сказать, это – My name is Serge! I live in this town. Every day I wake up and do my morning exercises. Заучивал он эту фразу долго, наверное, всю школу. Как он сдавал английский в институте и кандидатский минимум, для меня до сих пор остается загадкой.

Насладившись произведенным на меня эффектом, он потупил глаза и сказал:

– Я тренируюсь!

На продавщицу вообще было страшно смотреть. Никто в ее жизни никогда не целовал ей руку. Она была подавлена и счастлива одновременно. Находиться всего на расстоянии вытянутой руки от этого Ильи Муромца, который оказался таким галантным мужчиной, да еще и языками владеет! Нет! Это было что-то, похожее на сказку. Мы отправились к кассам, а она еще долго стояла, смотря в пустоту и переживая случившееся. Забавно, Серега, оказывается, умеет удивлять.

У касс нас встретила девушка без лица. Мы были у нее, наверное, 15672-е по счету. Заканчивалась смена, она устала и хотела домой. Ей все надоело.

Выгрузив все из тележки и дождавшись, пока освободится место на ленте, Серега начал сгружать пачки с презервативами с лотка у кассы. На пятом движении его руки кассир проснулась, в ее глазах появилась заинтересованность. Когда презервативы разложились на ленте бесформенной кучей, она внимательно посмотрела поочередно то на Серегу, то на меня. Закончив манипуляции, Серега оценил размер кучи, на секунду задумался и добавил еще пачку. Потом перевел взгляд на кассиршу и увидел ее охреневшее лицо. Среагировал Серега мгновенно, выдав фразу:

– Едем с другом за город, – кивнул он в мою сторону. Причем, сказал он это максимально тонким голосом, на который была способна его глотка. Кассирша уставилась на меня ТАКИМИ глазами, что я не выдержал и согнулся пополам. Меня душил смех. Видели бы вы это лицо! Серега расплатился и, сгрузив все добро в пакеты, двинулся торжественной походкой в сторону выхода. Я поплелся за ним, силясь перестать ржать. На секунду мне удалось и, повернувшись к кассирше, я сказал: «Мы едем на Кубу, девушка!». В качестве ответа я услышал глубокий выдох.

Хорошо начинается поездка!

Глава 8. Размышления о дружбе

Странное дело – эта дружба! Вроде встречаются два совершенно разных человека, начинают общаться – и все! Так начинается дружба. Ни больше, не меньше. Я долго ломал голову над тем, почему с одними людьми я дружу, а с другими – нет! И человек же хороший, а мы посторонние друг другу, и все тут! С другой стороны, про человека мне рассказывали только плохое, а он моим другом стал. Странно! Непостижимо! Дружба – это не любовь и не брак! В браке люди могут жить годами, ненавидя друг друга. Любить может кто-то один, а другой – нет, ничего не поделаешь! Но не бывает, когда один дружит, а другой нет. Бывает, что дружат сразу несколько, а в любви и в браке – это аномалия. Любовь приходит и уходит, не я сказал. И браки распадаются. А вот дружба – нет! Она не бывает бывшей. Даже если друг тебя предал, говорят – друг, меня предавший. Не «подонки, который был моим другом и предал меня», а «друг, меня предавший». Или еще, уехал твой друг за тридевять земель, ты с ним и не общаешься по-человечьи, но другом быть не перестал. Загадка. Вот и получается, что дружба ценнее, чем любовь или брак, потому что не зависит от времени и расстояний, только от самих нас!

Обычно друзей находят в детстве или юности и продолжают дружить всю свою жизнь. Говорят, что дружба проверяется годами, счастьем и бедами. Не знаю, как у всех, но друзья, которые у меня были в детстве, сейчас и не друзья вовсе. А с людьми, с которыми учились в институте, и которые появились в моей жизни существенно позже, я дружу сейчас.

К чему это я? Да просто хочу рассказать о Егоре.

Егор почти на год младше меня, хотя мы пошли в первый класс в один год. Лет до двадцати трех я даже не знал о его существовании, пока нас вместе не свел случай. Хотя вовсе и не случай, Димка нас познакомил, мой одноклассник. Как завязалась дружба, я уже сейчас и не вспомню. Но как-то сразу прикипели. Потом я рос по своей карьерной лестнице, он – по своей, пока его семья не решила эмигрировать в Канаду. Я долго переживал. Сложно было с ним расставаться, ведь мы два года почти ежедневно были вместе. Женщины, пьянки, разговоры, помощь и поддержка, даже драки – все это было. Теперь он живет в Канаде, у него все хорошо, у меня тоже все тьфу-тьфу-тьфу. Мы звоним друг другу, разговариваем часами. Когда он приезжает в Россию, нет праздника лучше у меня в душе.

Он позвонил! Позвонил тогда, когда было нужно! И был разговор. Он прилетит на Кубу! А ведь мы не виделись почти четыре года!

Глава 9. Саванна

Зима была снежной, холодной и очень длинной. Правда, в новогоднюю ночь было в самый раз —5—7 градусов и без ветра. Ну, вы уже знаете.

Федеральная трасса была очищена от снега, но в некоторых местах, особенно в низинах, его было так много, что любая фура скрывалась там легко и непринужденно, как боец в окопе, и выныривала только на пригорке. Ехали мы настолько быстро, насколько могли. Честно говоря, после ста километров пути я уже не смотрел на спидометр, поскольку был пьян. Серега накачивал меня и себя вискарём с тем же рвением, с каким и живет всю свою жизнь. Поэтому на подъезде к Москве часа в два ночи виски у нас, слава Богу, кончилось. Серега был недоволен. Я – счастлив.

Серега достал телефон:

– Слышь, еврей?! Здарова! Спишь уже, что ли? Не спи! Мы тут с братаном на подъезде, скоро будем! Нужен вискарь, стейк и девки!

Через паузу.

– Ага, ага, ага! Понял! По Садовому до проспекта Мира, а там наберу! Ага, все, давай, пока!

Какой вискарь? Куда столько? Не, я, конечно, паренек не маленький. Центнер во мне есть по любому. Наверно. Но тягаться с Серегой я был не в состоянии. Какой стейк? А, ну да! «Я, когда выпью – жрать хочу!» Какие, на хрен, девки? Мне бы прилечь и вздремнуть. И я отрубился.

– Ну, ты, блин, храпишь!!! Как Тутанхамон во время мумификации! – Серега был в своем репертуаре. Если напишу дословно Серегины слова, у цензуры уши в трубочку свернутся.

На переднем сиденье сидел кадр примерно нашего возраста. Волосы длинные, остального просто не видно.

– Саня, Игорек! – так Серега нас знакомил.

Мы пожали друг другу руку. Мне было нехорошо. Я слегка проспался. Хмель ушел, похмелье еще не наступило. Но во мне все еще было с литр виски, а такое количество для здоровья явно не показано. Хотя, да и хрен с ним! Я же в отпуске.

Судя по архитектуре, мы находились где-то в центре Москвы. Двух-трехэтажные домики, узкие улочки, бутики известных и не очень фирм. Мы остановились.

– «Саванна», – прочитал вывеску Серега. – Я бы щас и слона съел! Смотри, еврей! Чтоб все по списку! Ты меня знаешь!

– Давай, давай, проходи! Все будет! – Игорек несколько не испугался.

Мы бросили куртки в машине. Леня опустил спинку своего сиденья и тут же завалился спать. Мы прошли мимо одинокого охранника в зал ресторана. Там было пусто.

– Тааааак! – потянул Серега и уставился на Игорька.

– Расслабься! По списку сначала виски и стейк! Садись, давай! – сказал Игорек и отодвинул свой стул.

Мы сделали заказ. Виски я пить отказался, а стейк, хоть и нехотя, но взял. Понимал, что лучше поесть.

Серега съел свой стейк размером с две мои ладони за какую-то минуту, запивая его при этом виски, словно это был яблочный сок. После этого он ждал, пока мы закончим есть, ковыряя при этом зубочисткой во рту. Время от времени от времени подносил стакан с виски и делал большой глоток. Смотреть на это не было никаких сил.

– Давай, давай, поскорее! – торопил он нас.

Он произнес эту фразу раз десять. Потом встал и спросил, куда идти к девкам?

– При входе вниз видел ступеньки?

Сергеа кивнул.

– Туда, – сказал Игорек, и мы принялись с прежним усердием жевать безвкусное сырое мясо.

Сергеа ушел. Я, как, впрочем, и Игорь, не смогли доесть и оставили на тарелке чуть меньше половины.

Глава 10. Культурный шок

Подойдя к охраннику, Игорек протянул две бумажки и жестом пригласил следовать за собой.

– Двести?

– Шестьсот.

Я никогда раньше не был в подобных заведениях, предпочитая женщин, которым не надо платить, хотя бы за любовь. Конечно, бывало всякое, и иногда с друзьями в сауне мы развлекались подобным образом. Но никогда я не испытывал удовлетворения от этого. И чаще всего спустя пару часов появлялось какое-то гадливиенькое состояние. Хотелось помыться, хорошо, что были в заведении, непосредственно для этого предназначенном.

Аристотель Онассис после женитьбы на Жаклин Кеннеди сказал что-то вроде: «Женщину можно получить за деньги или бесплатно, но бесплатно обычно бывает дороже». Ему было лучше знать, ведь Жаклин его почти разорила. Аристотель, женившись, как и Сократ, стал философом.

Мы спускались вниз по длинной лестнице в полумрак. Была слышна музыка, и ее громкость возрастала с каждой ступенькой. Внизу был виден только краешек барной стойки с пивным краном. Игорек, спустившись, завернул за угол. Я последовал за ним. Глаза уже привыкли к полумраку.

Вы когда-нибудь испытывали шок? Так, чтобы увиденное вами зрелище выбивало из вашей головы все остатки разума, чтобы картина, представшая перед вашими глазами, никогда больше не ушла из вашей памяти? Нет? А я – да!

Помещение было довольно просторным, отделанным в духе его назначения. Зеркала, шести, диваны по периметру. И женщины. Много. Двадцать-тридцать? Не знаю... Из одежды на них было надето ничего. НИЧЕГО, понимаете?! Тридцать голых баб на пятидесяти квадратных метрах! Прошло время, но я помню это, как будто это происходит сейчас. Шок. У меня перехватило дыхание. Нет, в тот момент я не хотел ничего, но зрелище меня действительно потрясло.

Я натолкнулся на спину Игорька. Он высматривал Серегу. Музыка была громкой настолько, что я не слышал, что он говорит. Он двинулся в дальний угол, я последовал за ним.

Серега развалился на диване, приобняв двух красоток обеими руками. Увидев нас, он освободил руки и наклонился вперед. Из-за музыки ничего не было слышно. Пришлось наклониться.

– Тебе вискарика заказать? – проорал он.

– Нет, – крикнул я в ответ. – Я бы кофе взял.

Хотя, мне, пожалуй, больше подошло бы успокоительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.